

Д.Е. Буянов

**ДУХОБОРЫ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Статья посвящена секте русских духовных христиан – духоборов. Рассказывается о переселении духоборов в Амурскую область во второй половине XIX в., их хозяйственных занятиях и быте, анализируются основы их вероучения и религиозная практика.

Ключевые слова: не православная христианская секта, духоборы, молокане, хлысты, русские протестанты, старцы, начетники, молитвенный дом, молитвенное собрание.

**THE DUKHOBORS IN THE AMUR REGION
IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES**

This article is devoted to the sect of Russian spiritual Christians – the doukhobors. It tells us about migration of the doukhobors into Amur region in the second part of XIX century and their household activities. Religious practices and believes are analyzed in this article as well.

Key words: non-orthodox Christian sect, the doukhobors, the Molokans, the Khlysts, Russian Protestants, the elders, the nachetniks, meetinghouse, prayer meeting.

Русское духовное христианство оформилось во второй половине XVIII в., хотя истоки его учения возникли еще раньше и генетически были связаны с хлыстовщиной [1]. В отсутствие объединяющей всех последователей духовного христианства единой организации оно скоро разделилось на два крупных течения – духоборов и молокан, которые стали самостоятельными сектами. Считается, что первые молокане под началом Семена Уклеина в середине XVIII в. вышли из секты духоборов, во главе которых стоял в то время Илларион Побирохин. И духоборы, и молокане выражали социальный протест сельских, а позже городских низов против существующих в стране феодально-крепостнических порядков и Русской православной церкви. Подъем духовного христианства пришелся на XIX в., когда в России быстро развивался капитализм. При этом молокане уверенно развернулись в сторону буржуазного переустройства страны. Духоборы, напротив, больше тяготели к коммунистическим порядкам и общинным традициям крестьянской жизни.

Со временем исторические пути духоборов и молокан настолько разошлись, что в начале XX в. они кое-где открыто враждовали. Русский художник В.В. Верещагин (1842-1904 гг.) в 70-е гг. XIX в. во время поездки по Закавказью, куда ссылались сектанты, наблюдал весьма характерные сцены. Он писал: «У молокан, например, запрет на вино и табак, и наружно они не пьют и не курят, зато втихомолку не откажутся от запретного плода. У духоборов этого нет: они открыто пьют и курят и даже сами разводят махорку. Молоканин, при случае, не прочь надуть или даже украсть – у духоборов случаи того и другого так редки, что все наперечет. Замечательно, что духоборы считают

молокан отщепенцами своей веры, а молокане уверяют, что духоборы отстали от них – это последнее вероятнее (здесь В.В. Верещагин ошибается – Д.Б.). Теперь оба толка ненавидят один другой: «Безбожники, хуже псов», – отзываются молокане о духоборах. «Разве это люди?» – говорят в свою очередь духоборы о молоканах» [2].

Однако в Сибири, где ссыльные духоборы и молокане жили вместе с 20-х гг. XIX в., конфликтов между ними не было. Более того, М.В. Муратов, автор книги «Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века», упоминает сектантские фамилии, которые в Амурской области считались молоканскими (Меньшагины или Меньцагины, Кузнецовы) [3]. В XIX в. о духоборах писал магистр Киевской духовной академии О.М. Новицкий (1806 – 1884 гг.). Однако его исследование (второе издание книги вышло в 1882 г.) не содержит дальневосточного материала [4]. Общие сведения о духоборах приведены в статье, напечатанной в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [5]. Жизни духоборов на Амуре в последней четверти XIX в. посвящена публикация православного священника К. Литвинцева «Амурские сектанты: молокане и духоборы. Историко-этнографический очерк» [6].

В Российской империи духоборы жили в Таврической губернии, в Новороссии, по Волге, в землях Войска Донского, а также в Закавказье и Сибири. В Амурской области духоборы появились в начале 60-х гг. XIX в. В «Приложении к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912-1913 гг.» отмечается, что сектанты – духоборы, молокане и другие – стали переселяться на Амур с 1862 г. Для них были характерны энергия, религиозный фанатизм и хозяйственность. Амурский край привлекал их религиозной свободой, отсутствием рекрутчины и земельным простором [7]. В 1864 г. духоборы из Туруханского края основали деревню Покровку в 64 верстах по Амуру выше Благовещенска. В 1870 г. в ней было дворов 35 и жителей 151 душа обоого пола; в 1880 г. – дворов 43, жителей 129 мужского и 112 женского пола; к 1 января 1891 г. числилось дворов 48, жителей 130 мужского и 106 женского пола. Надельной земли было 5155 десятин 1521 сажень, из которых обрабатывалось 1027 десятин. В деревне было лошадей 454, рогатого скота – 310, овец – 35 голов. Основными занятиями жителей Покровки были земледелие и извоз [8]. Таким образом, несмотря на рост числа дворов в Покровке, население деревни увеличивалось медленно, что свидетельствует о трудных условиях жизни переселенцев.

В 1864 г. в основанную молоканами Астрахановку прибыла духоборческая семья Д.А. Абрамова. В то же время появляются духоборы в Благовещенске. Стимулом для переселения духоборов в Приамурье, как и для молокан, стали экономические и религиозные свободы. Духоборы приезжали в Амурскую область в основном из Енисейской губернии и Забайкалья. Переселение духоборов шло бок о бок с молоканами, однако в отличие от последних поток духоборов был не такой массовый и селились они преимущественно в сельской местности.

Основными местами проживания духоборов в Амурской области на рубеже XIX – XX вв. были села Андреевка, Астрахановка, Покровка, Ново-Троицкое, Гильчин, Тамбовка, Гомелевка, Введенка и г. Благовещенск [9]. По данным официальной статистики трудно определить реальную численность духоборов в области. Во-первых, судя по анализу отчетности в обзорах Амурской области, власти старались занижить численность сектантов. Во-вторых, нередко их учитывали вместе с другими не православными общинами – молоканами-прыгунами и баптистами. С другой стороны, царские чиновники плохо разбирались в вероучениях разных сектантских толков и не утруждали себя выяснением различий между ними. Эта тенденция распространялась и в общественном мнении. Так, в Астрахановке с начала ее основания жили молокане-прыгуны. Там 7 мая 1902 г. в возрасте 91 года умер Кирей Петрович Попов – один из молоканских старцев. Однако в некрологе, помещенном в

«Амурской газете», он назван начетником духоборов. Говорилось, что он был богатым человеком и как мог помогал прибывающим переселенцам – как сектантам, так и православным [10].

К. Литвинцев писал, что, кроме молокан, в Благовещенске можно встретить несколько семейств молоканской отрасли – духоборов. Автор высказывает свою точку зрения, сводящуюся к тому, что духоборчество «выродилось» из молоканства (К. Литвинцев не прав – Д.Б.). К. Литвинцев отмечает, что амурские духоборы занимаются земледелием, торговлей, рыбными промыслами по Амуру и Зее, последний род занятий, рыболовство, практикуется исключительно духоборами и производится в довольно больших размерах. Они вкуче с китайцами могут считаться единственными поставщиками свежей рыбы на весь Благовещенск [11].

В 1886 г. в Благовещенске проживало 102 духобора, или 0,58% от числа горожан, в 1894 г. соответственно 297 (1,2%), в 1905 г. – 900 (2,5%), в 1912 г. – 307 (0,44%), в 1913 г. – 775 (1,1%), в 1914 г. – 286 (0,5%). Рост общины происходил за счет переселенцев и внутреннего пополнения. Спад численности после 1905 г. был обусловлен переходом части духоборов в баптисты. Количество духоборов, проживавших в сельской местности, существенно превосходило число горожан-духоборов. Так, в 1905 г. в области проживало всего 2100 духоборов, из них в городе – 900. Кроме крестьян, в Благовещенске духоборами были представители мещанского сословия. Крестьянско-сельская основа духоборческой жизни не является спецификой Приамурья. Она проявилась еще во времена основания движения и распространилась на всех духоборов России. В идеологии духоборов сложились антигородские мотивы и идеализация земледельческого труда как единственно отвечающего духу христианства.

Организация повседневной жизни духоборов во многом строилась по принципу коммуны. Действовали общие кассы, регулировался труд и потребление, провозглашался принцип равенства всех членов секты. Руководство общиной формально осуществляли «старички», авторитетные единоверцы, причем не обязательно преклонного возраста. «Старички» объединялись в совет для решения важных вопросов гражданской и духовной жизни. Реальным руководителем общины был харизматический лидер – живой «бог» или «богородица» [12].

Исследователи отмечали зажиточность духоборческих хозяйств. Занимаясь земледелием и скотоводством, духоборы продавали свою продукцию на городских рынках, поставляли ее известным торговым фирмам. Хозяйственная устойчивость и предприимчивость духоборов позволили им иметь заметную и влиятельную религиозную общину в Благовещенске. Городские духоборы имели свой молитвенный дом. По сообщению газеты «Амурский край», в самом конце XIX в. он располагался на улице Станичной (ныне Трудовой) [13]. Его точный адрес и что он из себя представлял, установить не удалось. По другим данным, накануне революции духоборы собирались для молений в доме на Иркутской улице (сейчас улица им. Горького) между Станичной и Кузнечной. Это простое деревянное здание не сохранилось, оно не обладало никакими архитектурными достоинствами [14]. Известно, что на волне антирелигиозной кампании в 1930 г. молитвенный дом духоборов предложено было передать под школу [15]. Возможно, что автор корреспонденции в газете «Амурский край» допустил неточность и речь идет об одном и том же строении.

Духоборы относились к направлению русского духовного христианства. Зародившись внутри православной церкви как полная противоположность официальному культу, оно с самого начала представляло собой резко обособленную от окружающего населения конфессиональную группу. Духоборы убеждали, что Бог создал человека, чтобы сделать его своим живым храмом. Наследственного греха нет, так что каждый грешит и спасается сам. В наказание Бог создал плоть, но она не орудие сатаны, а данная Богом возможность для покаяния и исправления, ибо потом в вечности, когда не будет плоти, не будет и покаяния. Душа самовластна пойти по Божьему пути или

избрать путь сатаны. Человек, возлюбивший Бога, уподобляется памятью Богу-Отцу, разумом Богу-Сыну, волей – Богу – Святому Духу, и в нем присутствует вся божественная Троица.

Духоборы рассматривали Ветхий и Новый заветы как набор аллегорий и символов, которые могут быть поняты только с помощью внутреннего откровения в сердце верующего. До конца XVIII в. духоборы читали Новый Завет на своих собраниях, но в конце столетия руководитель тамбовских духоборов Савелий Капустин, бывший призванным вождем секты, запретил читать Библию, назвав ее «хлопотницей», и объявил истинным только живое устное слово. Религиозные обряды духоборов были очень просты. На молитвенных собраниях читали наизусть и пели псалмы, составленные из текстов Псалмов Давида, Нового Завета, церковных молитв, народных духовных стихов и стихов литературного происхождения, а также псалмы собственного сочинения. Все они входили в устную «Животную книгу». В конце моления мужчины и женщины порознь по очереди (второй подходил к первому, затем третий подходил к первому и второму и т.д.), взявшись за руки как для рукопожатия, дважды кланялись друг другу, целовались и еще раз кланялись, тем самым поклоняясь божественной Троице в каждом человеке [16].

Церковь, по учению духоборов, есть собрание мирских людей, избранных самим Богом. Они объединены в общество своим специфическим учением и богослужением. Сам духобор представляет собой и священника, и жертвенника, и жертву. Его сердце есть алтарь, воля – жертва, душа – жертвенник. В церкви не может быть лиц иерархических, поскольку единственным архиереем и священником является сам Иисус Христос. Наследником его в священстве выступает только тот, кто ощущает в себе действие божественного слова. Духоборы отвергали почитание креста, икон, мощей святых. Согласно их представлениям, члены духоборческого общества находятся в непосредственном общении с Богом, а поэтому не нуждаются в обрядах. Все христианские таинства истолковывались духоборами в духовном смысле. Крещению водой как бесполезной церемонии противопоставлялось истинное крещение Христоваго страдания. Духобор должен креститься не водой, а Словом Божьим и внутренним просвещением. Духоборческое причащение осуществляется через слово, мысли, веру и сердечное желание. Исповедь объяснялась как сокрушение сердца перед Богом, хотя и допускалось исповедание друг перед другом [17].

К. Литвинцев отмечал, что на Амуре «религиозные воззрения духоборов имеют много общего с молоканами. Как те, так и другие справедливо могут считаться русскими протестантами. Единственным источником своей веры и учения признают Св. Писание, за священным же Преданием они не признают никакого значения. Теоретические взгляды молокан на религиозные вопросы отзываются рационализмом, холодной рассудочностью; тогда как взгляды духоборов на те же самые вопросы носят чисто мистический характер, несколько оттеняющий английских квакеров и их религиозное мирозерцание. Затем существенная разница молокан от духоборов заключается в способе проявления религиозного чувства и верований. Как те, так и другие в воскресные и праздничные дни собираются для богослужения в особенно арендуемые дома» [18].

Благовещенские духоборы признавали те же самые праздники с немногими отступлениями, что и молокане (Пасха, Рождество Христово, Сретение Господне, Благовещение и др.), но праздновали их иначе, чем молокане. Так как духоборов в Благовещенске было немного сравнительно с молоканами (15-20 домов), то они собирались для своего молитвословия в известные дома, большей частью чередуясь друг с другом. Свои собрания проводили всегда вдали от центральных улиц города. Собирались поздно вечером, и их радения продолжались далеко за полночь. Моления проходили и днем, но при закрытых ставнях. «Спрашивается, – продолжает К. Литвинцев, – что же побуждает духоборов скрываться для отправления своего богослужения? Нельзя допустить, чтобы к такому скрытному отправлению их богослужения служили какие-либо репрессивные меры со стороны духовного и гражданского начальства. Остается, следовательно,

допустить, что такой таинственный характер их богослужения имеет свои оригинальные мотивы и обуславливается самым взглядом их на молитву и богослужение. Действительно, если мы сравним молитвенные собрания духоборов с молоканскими, то не найдем ничего общего. От молоканских собраний, при всей их холодности и простоте их, веет все-таки чем-то христианским, на них лежит колорит протестантских собраний. Между тем, собрания духоборов носят языческий характер. У них имеется целый цикл песен, составляющих искажение библейских изречений, которые (песни) и поют под неистовую пляску и кружение. Между ними есть специалисты-запевалы, преимущественно из женского пола, которые и слынут у них под названием пророчиц. Между благовещенскими духоборами таким вниманием пользуется некто Зиновьевна, по фамилии Клементьева, жена одного духобора, которую чтут до обожания не только городские духоборы, но и сельские» [19].

К. Литвинцев рассказывает, что «Пляска и кружение духоборов часто доводят участников до иступления. В припадке иступления они произносят бессвязные слова, которые и принимаются за откровения свыше. На этих радениях участвуют совместно мужчины и женщины, скачут все вместе, или по очереди, смотря по объему помещения, в котором они собираются вместе для своего радения. И вот, когда прыгания их достигнут крайней степени, гасят свечи, начинаются лобзания и повальный грех – братьев с сестрами, как вообще они и называют друг друга. Такое поведение их на своих собраниях и служит объяснением того, почему они накрепко запирают двери во время своих молитвенных собраний» [20].

Чтобы оценить достоверность этого сообщения, надо знать источник информации. К. Литвинцев прямо указывает, что таковым являются свидетельства и показания некоторых молокан. Однако, как показано выше, молокане были в числе недоброжелателей духоборов и могли сильно сгустить краски. И К. Литвинцев передает, что благовещенские молокане «вообще гнушаются духоборами и особенно их эксцентричными радениями во время молитвенных собраний» [21]. К тому же не будем забывать, что К. Литвинцев, как православный священник, не мог упустить случая уязвить ненавистных ему сектантов. Так что факты свального греха во время молитвенных собраний духоборов находятся под сильным сомнением. Впрочем, учитывая, что духоборы в свое время вышли из хлыстов, сообщаемое К. Литвинцевым не кажется уж совсем неправдоподобным.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. духоборы представляли довольно заметное и экономически значимое явление в общественной жизни Амурской области. Основным мотивом их переселения на Дальний Восток были религиозные и экономические свободы. Духоборы, как и остальные не православные общины Приамурья, подвергались гонениям и преследованиям со стороны светской власти и руководства Благовещенской и Приамурской епархии РПЦ. Однако степень давления на сектантов на Амуре была меньше, чем в центральной части Российской империи.

1. Никольский, Н.М. История русской церкви. – Изд. 3-е. – М., 1983. – С. 302.

2. Верещагин, В.В. Повести. Очерки. Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. – М., 1990. – С. 130.

3. Муратов, М.В. Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века. Труды государственного Иркутского университета. – Вып. 5-й. – Иркутск, 1923.

4. Новицкий, О.М. Духоборцы. Их история и вероучение. – Изд. 2-е. – Киев, 1882.

5. Духоборы // Энциклопедический словарь. – Т. XI, полут. 21 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. – С. 251-253.

6. Литвинцев, К. Амурские сектанты: молокане и духоборы. Историко-этнографический очерк // Христианское чтение. – 1887. – № 11 – 12. – С. 549 – 567; 1888. – № 11 – 12. – С. 664-681.

7. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912-1913 гг. – Благовещенск, 1915. – С. 8.

8. Кириллов, А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. – Благовещенск, 1894. – С. 324.
9. Кобызов, Р.А. Духоборы // История Благовещенска. 1856-1917: В 2 т. – Т. 1. – Благовещенск, 2009. – С. 132.
10. Амурская газета. – 1902, 16 июня.
11. Литвинцев, К. Амурские сектанты... – 1887. – № 11 – 12. – С. 552.
12. Кобызов, Р.А. Духоборы... – С. 132, 133.
13. Амурский край. – 1899, 29 ноября (11 декабря).
14. Холкина, Т.А., Чаюн, Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска. – Благовещенск, 2006. – С. 40.
15. Кобызов, Р.А. Духоборы... – С. 133.
16. Религии современной России. Словарь / ред. кол.: М.П. Мchedлов (отв. ред.) и др. – М., 1999. – С. 89 – 90.
17. Багдасарян, В.Э. Духоборы, духоборцы // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.С. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2008. – С. 413.
18. Литвинцев, К. Амурские сектанты... – 1887. – № 11 – 12. – С. 552-553.
19. Там же. – С. 554-555.
20. Там же. – С. 555.
21. Там же. – С. 555-556.